

МАРИНА МИХАЙЛОВНА ВАЛЕНЦОВА*

Духовные ценности в народно-христианских нарративах русин Восточной Словакии (по материалам полевых записей)¹

Valentsova, M.M.: Spiritual Values in Folk-Christian Narratives of the Russins of Eastern Slovakia (by the Field Material). *Slavica Slovaca*, 54, 2019, No. 2, pp. 177-186 (Bratislava).

The article analyzes the etiological legends, narratives associated with the biblical plots, as well as other stories with Christian motifs, recorded during field researches in Eastern Slovakia in 2014 and 2018. All of them have axiological focus, offer a national assessment of the world formation, current events and people's behavior. Narratives are included in the wider context of similar folklore facts of other Slavic traditions, which afford an opportunity to understand the specifics of local Russin microtradition in the aspect of axiological understanding of the world.

Slavic traditional culture, axiology, folk-Christian narratives, Russins of Eastern Slovakia, traditional values.

Теме народного христианства и «библейского фольклора» в последнее время уделялось достаточно внимания в отечественной и зарубежной научной литературе. Восточнославянский материал изучался О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой, В.Я. Петрухиным, А.Б. Морозом² и многими другими авторами (см. обзор источников и исследований там же³). Вместе с тем, тема эта далеко не исчерпана, а материалы продолжают собираться, в том числе во время полевых исследований разных славянских регионов.

Во время этнолингвистических экспедиций в русинские села Восточной Словакии 2014 и 2018 гг.⁴ было записано некоторое количество фольклорных материалов, представляющих интерес с точки зрения вариативности известных по публикациям сюжетов, фиксации новых сюжетов и мотивов, а также в аспекте расширения ареала бытования восточнославянских народных легенд.

Однако целью статьи является не каталогизация записанных нарративов, а рассмотрение их в аксиологическом аспекте, выявление и осмысление содержащихся в них традиционных ценностей, в том числе, ценностей христианских, воспринятых народной культурой.

*Марина М. Валенцова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, Москва, Ленинский пр., 32А.

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» (рук. И.А. Седакова) Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект # 472-LED-SW).

² Белова, О.В.: «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. Составление и комментарии О.В. Беловой. Москва: Индрик, 2004. 576 с.; Белова, О.В. – Петрухин, В.Я.: Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. Москва: Наука, 2008. 263 с.; У истоков мира: Русские этнологические сказки и легенды. Сост. и коммент. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой. Москва: Форум-Неолит, 2014. 528 с.; Мороз, А.Б.: Святые Русского Севера: Народная агнография. Москва: ОГИ, 2009. 528 с.

³ Белова, О.В.: Народная Библия, с. d., с. 7-8; У истоков мира, с. d., с. 7-10.

⁴ В 2014 г. этнолингвистическая экспедиция проводилась совместно Институтом славяноведения РАН (М.М. Валенцова и М.Н. Толстая) и Институтом славистики Яна Станислава САН (К. Женюхова) в селах Русский Грабовец, Руска Быстра, Убля. В 2018 году М.М. Валенцова и М.Н. Толстая обследовали села Стриговце, Улич, Кленова, Кална Розтока, Руска Волова, повторно посетили Ублю и Русский Грабовец, интервьюировали информанток из с. Уличке Криве и Нехваль Полянка. Пользуясь случаем, собиратели выражают искреннюю благодарность за помощь и отзывчивость нашим информантам и администрации сел, в которых они работали.

Анализ этих нарративов, во многом отразивших этические нормы жизни и мировоззрение народа, важны не только для понимания значения Библии в традиционной народной духовной культуре,⁵ но и для осознания взаимовлияния и взаимопроникновения двух систем ценностей – христианской и дохристианской: насколько ценности этих двух сфер сходны или различны; как они соотносятся иерархически; как реализуются одинаковые ценности (вера, здоровье, труд) – в действиях, в речах, интенциях, и т.п.

На сравнительно небольшой территории, где проводились полевые исследования традиционной духовной культуры русин (округ Михаловце и округ Снина) были записаны этиологические легенды, пересказы библейских и евангельских сюжетов, поверья, сновидения, бытовые нарративы о магической силе священников, паремии. В них отразилась и преломилась книжная культура византийско-славянской традиции. Это рассказы, в разной степени связанные с христианскими сюжетами, литургией, проповедью, а также не имеющие прямого отношения к библейским сюжетам, но содержательно к ним примыкающие, то есть, «с точки зрения носителей традиции имеющие непосредственное отношение к “священной истории” в ее фольклорном прочтении»,⁶ как, например, легенды об уменьшившемся из-за людских грехов хлебном колосе, о «кошачьем» и «собачьем» хлебе, появлении грибов и др.

В аксиологическом аспекте важны также «сюжеты, связанные с нарративной мотивацией религиозных и бытовых обрядово-ритуальных действий» на основе фольклорной интерпретации событий “священной истории”, то есть об «этиологии» обрядов, запретов и предписаний на основе легенд или связанных с нею поверий.⁷

Надо отметить, что во время полевых исследований народные этиологические легенды и «фольклорная Библия» специально не собиралась (вопросы задавались лишь по контексту разговора), а большая часть рассказов – это те, которые информанты сами захотели и сочли нужным сообщить, поскольку они были им важны и ценны.

Первую группу составляют этиологические легенды – наиболее фольклоризованные нарративы, изначально не связанные с конкретным событием «священной истории», но имеющие, скорее, отношение к области народной морали (наказание за грех, нарушение запретов, правильное отношение к жизни).⁸

Легенда о колосе рассказывает о том, как зерно родилось на всем стебле, до самой земли, хлеба было вдоволь, но люди не ценили этого изобилия. Ходивший тогда по земле Христос, увидев неподобающее отношение к хлебу, хотел в наказание отнять у людей все зерно, схватил колос снизу и начал счищать с него все зерно. Но св. Петр (или Богородица) стали просить его оставить хлеб хотя бы на долю кошек и собак (вариант: сами животные стали просить оставить им хлеба). И Христос оставил зерно на колосе только на самой верхушке.

Як зерно са родило, а люде си то не важыли, но, зерно яко... а Христос ішов, так са назлостив, же люде си то не важать, же тото – та як тепер хліб мечуть – а так їмив, та же тягав, ссував тото, а Петро му гварит жебы щи охабив же щи про мачку, про пса. Так же туто зерно, шо є еден колос, то зостав єдине про мачку, про пса, а мы с того жыеме (Улич Криве, М. Петровка, 1935 г.).⁹

Жыдоўка – с пробаченьом – потгэрала дитвака колосом, но а Йєсус Христос схылив а кулько потяг, тультко зостало. Зато пшеничка нам така мала є. А вни, жыды, вни са дуже молять за то, же вни хліб запродали. Но то зато пшеница зерно лем тоты колышыкы [колоски] має. <...>

⁵ Белова, О.В.: Народная Библия, с. d., с. 8.

⁶ Белова, О.В.: Народная Библия, с. d., с. 12-13.

⁷ Белова, О.В.: Народная Библия, с. d., с. 13.

⁸ Белова, О.В.: Народная Библия, с. d., с. 411.

⁹ Выражаю искреннюю признательность М.Н. Толстой за фонетическую коррекцию и помощь в расшифровке аудио записей для данной статьи.

Но та погнівав са же чом... но та про людей... про мачку, про пса. <...> но а с тым ай мы са живиме (Руски Грабовец – Е. Билогушчинова, 1934 г.р., Ю. Тедичова, 1940 г.р.).

Общеславянская легенда об уменьшении хлебного колоса в наказание за прегрешения людей – неуважение хлеба – может быть сопоставлена с индоевропейскими представлениями об эре изобилия в начальный период существования мира, о «золотом веке» и его утрате. В цитированной книге О.В. Беловой представлены варианты легенды: русские, украинские, белорусские, болгарские и македонские, словенские, польские, чешские и моравские, а также для сравнения литовские, малоазиатские, киргизские и китайские.

Легенда о том, откуда появились грибы, объясняет, что св. Петр тайком от Христа ел хлеб, а когда Иисус это заметил, Петр стал выплевывать хлеб, который превратился в грибы.

Гей, чула-м, хліб украв Петро, но а йшов, метав, Исус Христос ся позерав, а він все на землю верг. За то грибы ростуть. То сятый Петро метав хліб, за то грибы ростуть. <...> А вун все верг из рота на землю <...> но за то гварять, сятый Петро нам дав грибы (Руски Грабовец – Е. Билогушчинова, 1934 г.р., Ю. Тедичова, 1940 г.р.).

Более полный вариант этой легенды, также из карпатского ареала, приводит Иван Сенько: «Ішов раз Христос із апостолами поперед хату якоїсь жінки-вдовиці. Удовиця напекла паляницю та поставила їх попід хату на приспі, щоби скорше простили. Ідуть апостоли за Христом, а Христос напереді йде, та спозирають на свіжі, ще теплі паляниці, поликають слинку, бо всі страх які голодні, аж, аж!.. Не видержав Петро, взяв одну, вкусив та зачав жм'якати. – Петре, Петре, що ти жм'якаєш? – питає Христов. – А що ж? Губу! – каже Петро та скорійш випльовує вкушений кусник паляниці на землю. – Най буде губа! – каже Христос. А Петро дивиться на землю, не вірить своїм очам: перед ним із кусника хліба виросло нечисленно багато різних губ та грибів. – Збирайте, – каже Христос до апостолів, – буде добра вечера».¹⁰ Украинская легенда замечательна еще и обыгрыванием омонимов: русин. *губа* 'губа' и 'пластинчатый гриб'.¹¹

Легенда известна западным славянам, украинцам и белорусам с варьированием еды (зерна ячменя, хлеб, оладьи), которую тайно ел св. Петр или св. Павел.¹² У южных славян понятия греха от тайного вкушения пищи (или украденной пищи) нет, грибы здесь появляются из остатков трапезы мифологических персонажей – *самодив*.

Почему люди не знают срок своей смерти – распространенный у многих народов мира мотив (АТУ 934Н, для восточнославянских легенд – СУС 793*) о том, как один человек городил изгородь – непрочную, лишь на короткое время, объяснив Богу, ходившему тогда по земле, что ему все равно скоро умирать. Иногда Бог спрашивает, как же будут жить дети этого человека? И тот отвечает, что они должны сами о себе позаботиться. Тогда Бог отнял у людей знание о времени своей смерти за их эгоизм, и чтобы они до последнего дня трудились.¹³ Обращает на себя внимание то, что в отличие от западных (в первую очередь, американских) ценностей, пропагандируемых в том числе в кино, – свободы и независимости от родных и близких, что выражается в ранней самостоятельности детей, покидающих семью и оказывающихся наедине с превратностями жизни, в славянской традиции Бог не только благословляет крепкие семейные связи, но нередко и наказывает тех, кто оставляет детей без опеки, без присмотра и без наследства. В русинской версии этой легенды люди наказываются лишением знания срока своей смерти за грех, и грех этот – лень, «когда человек не хочет работать»:

¹⁰ Коли Христос по землі ходив. Народні оповіді. Упорядкував Іван Сенько. Ужгород: «Карпати», 1993, с. 59-60.

¹¹ Керча, И.: Русинско-русский словарь. Т.1, 2. Ужгород: ПолиПринт, 2007, с. 183.

¹² Белова, О.В.: Грибы. In: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995. Т. 1, с. 549.

¹³ Толстая, С.М.: Почему люди не знают срока своей смерти? In: Ethnolinguistica slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. Москва: Индик, 2013, с. 255.

Но туто знам, же єден чоловік городив плут, але знав, коли умре, то ше было давно [...] Та городив – уже лем не знаву, ці тыждень, ці кулько мав жыти – а плут так десь му са поламав, и вун так лем городив лем такыма якымасть, такыма лем туюлько жебы то было на пар дну <на несколько дней>. А Христос надийшов та гварить: «Чом такой плут городиш?» Та гварить, же «не буду довго жыти, лем туюлько а туюлько, та нашчо ми вже іншакый плут». Но а Христос повів, же «не будуть знати люде, коли вмеравуть, ай ний роблять до послідньої минуты». Ай то тоже є грїх, кедь чоловік не хоче робити (Улич Криве – М. Петровкова, 1935 г.р.)

В аналогичной закарпатской легенде знание часа своей смерти тоже оценивается отрицательно: «...А то люди знали день своєї смерті. Каже Петро Христові: “Боже, то недобре”» - отчего Христос и отнял у людей это знание. Но почему это плохо, легенда не уточняет.¹⁴

Как Бог соединял людей в пары – еще одна легенда о труде и лени, правда, в ином ключе. Это, скорее, рассуждение о том, почему Бог соединяет в пары людей разного характера. Суть ее в том, что Христос с Петром встретили по дороге ленивого парня, лежащего под грушей и ждущего, что ему груша в рот упадет, и работающую девушку. На вопрос Петра, кого дать в жены ленивому, Христос ответил: работающую, иначе он с голоду помрет.

Єден такий лінивий був чоловік, шо пуд грушков лежав, ни си грушку... голоден був, грушку си ни вырвав, бо лінивий був, та лежав, жебы му впала до рота. А йшов Христос ис Петром, тай гварить, же «...» йой, чекайте, то... Стрітили ай дівку. А таку шиковну дівочку стрітили. А теперь гварить Петро, же... же но, може дашо щі там веце было, але я не памнятаву, я туюлько памнятаву, же гварить, же «Шо тому.. шо тому даме хлопови, - гварить, - жебы був такий, такий інакший, же такий лінивий, же чекать, бы му грушка до рота...» А гварит – «Тоту дівочку». А Петро гварить: «Йой, Христе, та то вун такий лінивий, а вна шиковна», та гварить: «Вун бы вмер, кебы, гварить, ще таку дустав, як сам». Та вже вна го [...] же буде єдно, то так. Же єнно є шиковной, єнно лінивой є, так са сходять. Так Христос му помуг! (Улич Криве – М. Петровкова, 1935 г.р.)

Как видно, легендарный Христос в своем решении реализовал витальную ценность – выживание – для ленивого парня. Наказание для трудолюбивой девушки, которая должна в этом случае работать за двоих, в легенде не объясняется.

Логику своих действий Христос объясняет Петру, считающему такое решение неправильным, в другой легенде, записанной в украинском Закарпатье в с. Синевир: «...он ленивый, а она работающая и порядочная, поэтому она будет понемногу и его подгонять, и они будут как-то жить».¹⁵

Аналогичный вариант помещен и в карпатском собрании легенд Ивана Сенько, в котором Христос дает в мужья девушке, указавшей ему дорогу, ленивого парня, потому что «вона спіховна, і він коло неї не пропаде».¹⁶

Для сравнения мотивировок приведем в сокращении аналогичную словацкую легенду из архива полевых записей экспедиций под руководством Франка Вольманна, собиравшегося в 20-30-х гг. прошлого века и хранящегося в Институте этнологии САН в Братиславе. Эта легенда под названием «Как Господь людей соединяет» записана в р-не Жилины (с. Длге Поле) в расширенном варианте: Христос с Петром встречаются далее еще одну девушку, но ленивую, и еще одного парня, трудолюбивого – и соединяют между собой две пары ленивого (*hnilého*) парня с работающей девушкой и работающего парня с ленивой девушкой. Христос объясняет: если соединить двух трудолюбивых, то они будут хорошо жить и забудут про Бога, так же, как и те два ленивых, которые умрут с голоду и тоже не будут Бога славить. Поэтому Христос «признал за лучшее» соединить в пару разных людей. Основной ценностью, таким образом, согласно этой версии, яв-

¹⁴ Коли Христос по землі ходив, с. d., с. 37.

¹⁵ Полный текст см.: Толстая, М.Н.: Из материалов карпатских экспедиций. In: Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. Москва: Индрик, 2001, с. 488.

¹⁶ Коли Христос по землі ходив, с. d., с. 68.

ляется вера и прославление Бога. Ниже приводится диалектный текст легенды с сокращениями. «*Kedz chodzil Kristus Pán a sv. Peter po svece*»:

Kedysi pred moc tisíci rokami chodzil Kristus Pán aj ze svätím Petrom po zemi ... a zbadali jedného hnilého pod hrušku. Ten tam ležal a len tú hrušku zjedol, čo mu padla do úst. ... Prišli do dzedzini k jednej dzievčine a pítali si vodi. Dzievčina bola ochotná, hned jím pre čerstvú vodu do studne skočila, dala chleba a masla a čo najlepšie obsluhovala. Podakovali sa a išli dalje. ... Prišli k jednému kováčovi, ten jích tiež prijal vlúdne a láskave, pohoscil, jako mohol... aj noclah jím dal A kováč mal sina a ten sin ból takí, jako jeho otec. ... Išli dalje po dzedzine... vešli do jedného domu, abi si pítali vodi... tá dzievčina bola tak lenivá, že jím téj vodi nepodala a povedala, že šak kec telo chodzá, môžu sebe isc dalje, tam je studénka, môžu sa napic. Aš kec sa dali cestú dalje, povedá Peter Kristu Pánovi: “Pane čo dáš tej usilovnej dzievčine, čo nás tak obslúžila pekne?” Kristus povedá: “Teho hnilého, čo ležal pod tú hrušku!” ... “A tejto, čo nám vodi nedala?” “Téj dám kováčového sina!” ... “Jak to môže bic, Pane? Preč to tak dzeliš?” Ale Kristus Pán mu takto pekne odpovedá: “Počuvaj, Peter! Kebi sa tí dvá zebrali, ten kováčov sin <s tou usilovnou dievčinou, tak dobre by> sa mali a na Pána Boha bi zabudli a tí dvá hnili bi zas zemreli od hladu, kebi sa zebrali, lebo robic bi nesceli a tiež bi na P. Boha zabudli.... Preto a odftedi vraj to Pán Boh tak “pari”: usilovnú s lajdákom a opačne, lebo On to uznal tak za najlepšie (Dlhé Pole (okr. Žilina, Horné Považie).

Рассмотренные легенды и им подобные входят в круг «творения мира и человека» и используют авторитет Бога – Христа или его апостолов для объяснения различных жизненных явлений.

Следующая группа легенд «объясняет» происхождение церковных обрядов. Ниже приводятся лишь две из них, в которых обычаи возводятся к временам евангельских событий – реальных или домысленных. Аксиологическая направленность рассказов – ценность твердой веры и следования христианскому учению, истинность которого подкреплена чудесами.

Почему не пекут кур на Пасху. После распятия Христа стражники будто бы пекли петуха и насмехались над возможностью Иисусова воскресения. Вообще оживший петух как знамение Воскресения Христа – известный мотив апокрифических сказаний, однако предполагаемый в соответствии с темой рассказа мотив проклятости курицы (обычно – за то, что разгребала следы Христа, когда он прятался от преследования евреев) и запрет ее освящения в церкви на Пасху,¹⁷ в этом русинском нарративе не представлен.

Ай курка са на Великдень не варила, бо... нігда мати полівку не варила з курки, бо гварили, же кедь Христа вкрыжовали, а туты пекли когутá на ражні, а по́смішки робили, же тогды тот Христос с креста зыйде, як тот когут сскоче з рожня а заспівать. А когут упечений був, а скочив з рожня а заспівав. Та са курка не варит на Великдень. Но, та са поступили же посмішки робили, а чудо са стало (Нехваль Полянка, М. Кучкова, 1941 г.р.).

Почему писанки пишут, хлестают и обливают водой на Пасху. Эти календарные обычаи объясняются тем, что евреи, распявшие Христа, давали крашеные яйца детям, чтобы они не рассказывали о Его Воскресении и обливали водой тех, кто об этом говорил.

Но за то, же гварили, же Христос воскрес, а жыды писанкы ўнаджали а тыма ветвичками били... Дітьом давали писанкы за то жебы тихо были [молчали] ... же Христос воскрес, же то не є правда. ... Квітна неділя, то са бють тыма ветвичками. А тыж поливали, хто гварив, же Христос воскрес, та на нього воду вылляли (Руский Грабовец, Е. Билогушчинова, 1934 г.р.).

Другие славянские версии рассказов о том, почему на Пасху красят яйца, объясняют обычай тем, что яйца покраснели в доказательство воскресения Христа, что Богородица покрасила яйца, чтобы «выкупить» ими сына, что яйца окрасились кровью распятого Христа, что яйца

¹⁷ Белова, О.В.: Славянские библейские легенды: вербальный текст в контексте обряда. In: Славянский и балканский фольклор. Москва: Наука, 2006, с. 127-129.

покраснели в корзинке человека, который «помог Христу донести крест» или посочувствовал ему, и т.п.¹⁸

Объяснение обычая обливания тем, что «евреи обливали толпу верующих, чтобы разогнать ее», был записан в начале XX в. П.Г. Богатыревым в Закарпатье; в том же регионе в 1992 г. было записано другое свидетельство, объясняющее обливание необходимостью отмыться от помоев, вылитых евреями на радующихся Воскресению христиан.¹⁹ Народная, дохристианская мотивировка этого обрядового действия – весеннего обливания водой – заключалась в том, чтобы обеспечить летние дожди или здоровье членам семьи (гуцул).²⁰

Третью группу текстов составляют пересказы, более или менее близкие к библейским оригиналам и служащие морализаторскими и назидательными историями. Смысл таких рассказов может отличаться от первоначального и меняться произвольно (в зависимости от того, как рассказчик понял или помнит текст) и произвольно (в зависимости от целей повествователя и его слушателей).

Нарратив «Притча о самарянке» представляет собой прямой пересказ евангельской притчи о самарянке: «...Христос говорит ей: «Если бы ты знала дар Божий, и Кто говорит тебе: дай Мне пить; то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую» (Ин. 4, 10) - и далее: «...кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4, 14).

Притча читается в 5-ю неделю по Пасхе, Неделю о самаряныне, которая в 2018 году приходилась на 6 мая, а интервью с информанткой происходило 9 мая (отсюда и отсылка к недавнему празднику, название которого она забыла):

Шо йшла на воду. Боже, як са кликала тута.. [...] са догадати, Боже, тепер в неділю то была... О Боже... Шо Исус Христос сидів коло студні, а вна йшла на воду. А Христос гварив, жебы му дала жывої воды. Ей, а вна гварить же «Яка то жыва вода?» Ну а вун юй высвітлив, яка жыва вода, же вна бы хотіла таку, же нігда не буде яко смедна. Яко же... не буде жадати с сив водов, ні же буде... кедь ото [...] Она прийшла... як то в нас кликали, Боже? Тепер то в неділю было. [А не чули сте, як Христос ішов та стрітив якусь дівку та попросив воды?] Но та туто, то, аси туто. Но, та то туто, шо я вам тепер хтіла гварити. Чекайте, як то, Боже... Вни были такі туты грішні туты люде. Ну не, не догадуву са... Ну а вун юй гварив, жебы му дала. Же вун юй дасть таку воду, шо не буде нігда смедна. Но, розумієте? Но вна, же она, як же вун юй гварив, вна знала, шчо є Христос, а вна є грішниця. И они не узнавали [не признавали] Христа, не. Но, а... Но Боже, як се... Самаританка! Самаританка, то може сте чули. Шо вна была, ну та Исус Христос гварив, же як. Же кедь буде... прийде, же... вун юй впувість, як то буде, но вун юй высвітлив, же кедь буде віровати Богу, же буде мати жыву воду. Же не буде нігда смедна. То было тепер у неділю (Улич Криве – М. Петровкова, 1935 г.р.).

Четвертая группа текстов относится к **народной религиозности**, которая представляет собой особый тип понимания религии, ее идей, ценностей, сентенций, событий и лиц, тип, когда толкование идей основано на практике и опыте реальной народной (преимущественно сельской) жизни, но не противопоставлено официально-церковному толкованию. Это как бы собственное для каждого человека, бытовое понимание христианства – не того трансцендентного и недоступного простому крестьянину, которое требует объяснения от священников, а того, что помогает ему осознать жизнь и себя в жизни, строить отношения в обществе, что отвечает его размышлениям о вечном, о должном, о нравственном и достойном. Это основа микроско-

¹⁸ Белова, О.В.: Славянские библейские легенды, с. d., с. 129-134.

¹⁹ Белова, О.В.: Славянские библейские легенды, с. d., с. 141.

²⁰ Виноградова, Л.Н.: Мотивировки ритуальных действий как интерпретирующие тексты. In: Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 4. Москва: РПУ ап. И. Богослова, 1998, с. 115.

моса каждого отдельного человека, поэтому и суждения, приводимые в этой рубрике – личные суждения каждого. Но все они принадлежат кругу ценностей, принятых в социуме, в котором человек живет, т.е. ценностно-нормативной системе.

Приведу несколько примеров таких суждений. «Колись знали, постили, ся молили, а довго жыли, 300 рокув» (Руский Грабовец – Е. Билогушчинова, 1934 г. р., Ю. Тедичова, 1940 г. р.), то есть достойная жизнь в посте и молитвах, что, видимо, подразумевает добрые мысли и отношения с окружающими, способствует долголетию. Причем здесь долголетие (видимо, в добром здравии) считается благом, поскольку при хорошей жизни никто не хочет умирать.

По мнению Марии Петровковой, человек здесь, на земле обеспечивает себе жизнь там, на небе: и пусть не говорит потом, что он не знал, что надо молиться, что нельзя делать зло другому. Она ссылается на рассказ из Библии, как один человек посеял зерно, и у него очень много уродилось, но он не дал никому, а насыпал полные закрома и радовался: «Но, душо, маєш шо їсти-пити, їж и пій». А Христос сказал, что уже этой ночью заберет его душу. Потому что человек этот только для себя все делал (Улич Криве – М. Петровкова, 1935 г.р.). Мотив альтруизма как народной ценности уже второй раз звучит в нарративах рассказчицы.

Идея о разделении душ по этическим критериям и представления о рае и аде распространилась вместе с христианством и оказалась мощным стимулом к достойной земной жизни, определенной в Заповедях. Дохристианские представления полагали ценность добрых дел, помощи в беде, альтруизме и т. п. в воздаянии от людей же и в земной жизни (ср. в сказках: помощь героя людям и животным по дороге к выполнению задания оборачивается их помощью в трудную минуту во время его возвращения), это своеобразное *do ut des*, на котором строились отношения в крестьянской общине, да и вообще отношения в секулярном обществе. Христианские же принципы, проповедуя тот же смысл, усиливают его, заменяя воздаяние во временной земной жизни на воздаяние в жизни вечной – на небесах.

В контексте **интерференции народных и церковных** элементов в традиционной духовной культуре, интересными и порой неожиданными для нас оказались некоторые конкретные примеры.

Первый пример – это лечение испуга с помощью церковного обряда: *пуд перенос ходили до церкви*: «Кедь са боють, то ходять пуд перенос, пуд чашу» (Убля – А. Голубова, 1953 г.р.). Лечение заключалось в том, что, когда во время литургии священник несет чашу с пением: «и страхом Божьим и верою приступите», тот, у кого испуг, встает на колени, а поп прикладывает чашу ему на голову и произносит молитву. После этого больной должен выйти и посмотреть на лес. Лечебная сила ритуала заключается не только в том, что ритуал проводит священнослужитель, но и в совпадении смысла слов *испуг* (как названия болезни) и *страх* из литургии, а также первом после лечения взгляде на лес, будто отдающем болезнь природе. Описанный ритуал – это синтез христианских элементов (веры, священного текста, молитвы, церковной утвари) и принципов традиционной лечебной магии (партитивной, контактной, симпатической, магии слова, взгляда и т.п.).

Второй пример – обратный, демонстрирующий встроенность христианских элементов (молитва, пост) в традиционные народные представления:

<Босорканя> Но, дашо в собі мусіла мати. А по дакум [здедіти] – Шо знав. – Шо дахто був, шё погіб, або... так могло быти. <...> Моя свекра гварла, вна ще жыє <...> а гварила же та баба [...], вна та зась знала таку молитву, шо кедь са помолила, та тудо... та умер. Але гварила, же вна бы туду молитву нігда никому ни повіла (Стриговце).

Можно было бы думать, что в данном случае под «помолилась» надо понимать «произнесла заговор, навела порчу», как нередко бывает в народных практиках заговаривания болезней или отгона бури и града. Но оказалось, что это не так, а речь идет о включении христианского понятия в народную демонологию и шире – в картину мира, которая изначально дуалистична и амбивалентна (в зависимости от ситуации), ср.: «*Симерецкий пуст* – это постились ради вреда другому. Может, 7 недель постилась? Это только на злое» (Стриговце).

Само понятие поста как времени подготовки к высшему соединению с Богом, как пути к спасению души, внутреннего сосредоточения и молитвы – использовано с обратным знаком – на заговор и пагубу чужой души, и, закономерно, и своей собственной гибели тоже. Как и в случае с доброй и злой ведьмой, и здесь оказывается важна внутренняя «сила» человека (помогающая ему выдерживать пост) и его желание, ментальное или эмоциональное, делать добро или зло, то есть его внутренняя ценностная ориентация. В том же разговоре с информантами речь зашла о таком недобром человеке, который желал зла другому; он, говорят (основываясь на пережитом опыте), тяжело умирает, и до тех пор не сможет уйти из этого мира, пока не придет тот, кого умирающий обидел (Стриговце).

Важнейшая забота крестьянской жизни – противодействие буре и граду, уничтожающим посевы. Народная традиция знает и особых людей с магическими способностями отгонять тучи – облакопрогонников, но наиболее часто тучи разгоняют звоном церковных колоколов. При этом отдельные черты облакопрогонника-знахаря, колдуна (его магическая сила и знание) переносятся на звонаря и священника. Информанты подчеркивали: «то лем мусить быти фарар, жебы добрі *знав дацо*. Ай звонник не буде дзвонити, кедь не знае буру одогнати. Бо ще бура бурша прийде и зоб'є. Молитву таку дзвониви надо знати».

Интересно, что в настоящее время, когда жизнь в селе не зависит в такой степени от урожая на собственных полях, а продукты можно купить в местном магазине, изменилось и отношение людей к буре и граду. С одной стороны, считают, что и бури стали не такими грозными («але ай буркы мають розум вже, не гремять, як доты»). С другой – говорят, что у них в селе такого большого града уже и не бывает, потому что они *хорошие* люди, много молятся. И поп должен много молиться, поститься, искренне верить, потому что если без веры пойдет звонить, то и его самого там убьет, на звоннице. Должен быть *хороший* человек, подходящий для этого (Руский Грабовец – Е. Билогушчинова, 1934 г.р., Ю. Тедичова, 1940 г. р.).

Это аксиологическое соотношение поведения человека и природных стихий, то есть вера в то, что добрым людям и буря с градом не вредят,²¹ что знающий и искренний верующий человек может взаимодействовать с природой, управлять ею – имеет в основе антропоцентрический взгляд на внешний мир. Как следствие такого взгляда – восприятие всего в мире в терминах человека (ср. также в лексике: дождь *идет*, выюга *воет*, зима *злится*), одушевление природы, применение к ней оценочных характеристик (ср.: *хорошая / плохая* погода; *суровая / мягкая* зима), очеловечивание отношений с нею (погода шепчет, солнце *улыбается*).

Конечно, в рамках христианского дискурса невозможно было обойти вопрос о **конфессиях**. В высказываниях на эту тему главной оппозицией, значимой в традиционной культуре, оставалась оппозиция «свой – чужой». И конечно, своя вера считалась и более сильной, и более правильной. Рассказывали о православных монахах с Украины, которые ходили молиться по домам – помогали людям от той нечистой силы, которая «пугала».

Як были у нас тоты с України, та ходили, ходили, та і ту, с[у] Стакчина. Ходили, бо... там же кедь наприклад <...> полігали спати вечур, а хто їх шо пооткрывав. Ходили са молити манахы, гей. ... померали, дахто из роды[ны] умер, а потóму ходили, гей. Тото гей, тото знало быти. [А чого ходили? Пуджали..?] Та гей, та же открывали їх, [встедь] полігали вечур спати, а вни ї открывали. <...> [То лем страшили так?] Гей, гей. Но манах[ы] ходили там са молити, же помагали туто. Ай був в Кошицах єден, уже лем єден був у нас, а прийшла с Кошиц єдна жена римо-католичка, же <...> Шо власне было, я са нього не просила, а вун ми то повідав, же прийшла, а... як римо-католицкый фарар і порадив, абы йшла за православным мніхом, же вни мавуть віру твердо, же вни ї поможуть. Ну та прийшла ту до Кривого, тай была у моєю теты,

²¹ Ср. также библейскую трактовку Потопа, посланного Богом за грехи людей, в котором спасается только добродетельный Ной.

там, вун там був, но та... пуходив до Кошиц. Ходив до Кошиц са молити, гей (Улич Криве – М. Петровкова, 1935 г. р.).

Более твердая вера связана, как мы увидим, не в последнюю очередь, с более длительным и строгим постом у православных. Такие монахи, выдерживающие пост, или – еще лучше – совсем не евшие мяса, могли помочь молитвой от посещения «ходячего» покойника, являющегося своим родным после смерти, от болезней.

Так приказовали, гей, же и муж г жоні рянно ходив, гей, же то было-было... Але туто вже кедь лем попи помагали. Бо были такі мніхы православні. ... був єден мніх ту коло Михаловец, такый шо вун такой вшыткой помагав. І айбо кедь наприклад хоробу таку мав, шо [отпадовав], набивало ним, гей, та помагав, гей, помагали. Манахы туто помагавуть, але лем тот, котрый ни їсть мясо. [Целый живот не їсть?] Цілый жывот. Бо суть монахы, шо їдять, але суть, шо ни їдять. Но а были триє у нас, та єден був такый шо не їв, та тот помагав. Другый не поможе туто. Тоты попи други не, бо попи їдять месо. [То он са молит та щось робит?] Вни мавуть такі туты молитвы, са молить [н]а то. Бо і в родині мам, яко мої сестры дівка са оддала за такого лесника, шо отпадовав. Гей, та теж ходив там. [Как называлась та хвороба?] То зла хвороба, гварять у нас, гей. Шо набивать тым. Так Христос выздравлював таких, ні? І німых, і глухых, і таких, шо мали, як... [эпилепсию] (Улич Криве – М. Петровкова, 1935 г. р.).

Искренность следования христианским добродетелям, глубина веры имеют своим результатом **сновидения**. Так, одна информантка рассказала свой сон после того, как увидела во время Великого поста развлекающихся людей (музыка у них, в карты играли), и она подумала, что вот им ничего за это и не бывает, ни болезни, «никий фрас йим не вадит, добре си живут». Ночью снится ей, как дьявол смущает ее хорошим и веселым житьем, зовет с собой. Но она отрешивается от него и молится Божьей Матери. И так искренне молилась, что Божья Матерь тоже приснилась ей через 3 дня:

А я два дны так са опрімно г Божой Матери молила, а третій день са ми приснило. З’явила-м са в такуй місности десь, шо не было такой аде накладеной дешо, не. Но а вже шчось так было такой шчось там ани не памнятаву шось, а выттам така заря світила, а ту така была колыска недалеко дерев’яна, як даколи были, шчо так са гомбала, а Мати Божа сиділа коло колыскы, то-м взнала, же Мати Божа, поля образу чисто, ай маєме такый образ в церкви, шо Христос са народив, [а лівунь] молоко є кодь малому, а дві жены там стоять коло колыскы ай Мати Божа. <...> А ту коло мене, як я стояла, такый був столик, нижый як-то так, а чорным было обтягано той, а на тум лежав маленький Исус Христос. Але то-м взнала, же Исус Христос, вшыткой там знане, шо Божа Мати. А я як то виділа, тай так-им руки зложыла - Боже, де я? - тай пузераву са: шо то є. Шо де я, то си позераву, али тихо [ни]. А она са на мене обернула, гварить: «Притуль са малинько ньому, притуль». А я - «Йой, да я могу са Исусу Христу и притулити?», я і ни послушала щи. А она ще раз ми гварит: «Лем малинько са притуль», а вун як так головку мав при.. коло мене, я са притулила на ліжку и – са збудила (Улич Криве – М. Петровкова, 1935 г. р.).

И второй сон – когда у той же информантки сильно болели ноги, и она подумала: вот в церкви учат: «Стучите, и отворят вам», а я столько прошу, а ты, Господи, не слышишь, что у меня так ноги болят. Да где тебе услышать каждого, кто тебя просит?»

А ночью ей приснилось, что она стирает на реке, тучи надвигаются, а ее взяло что-то, как белая вуаль, за руку и ведет. Это был Исус Христос, точь-в-точь как на иконе. Он перевел ее через мост, и с холма открылся красивый вид. Позже оказалось, что Бог помог ей с больницей и излечением.

Даже при анализе этих избранных нарративов из области так называемой «народной Библии» и связанных с нею мотивов, становится понятной основная цель их рассказа и их аксиологическая ориентация. Среди ценностей, безусловно, христианская вера – сильная, объединяющая, своя, поддерживающая мораль и порядок в обществе; это Бог – милосердный, мудрый

и помогающий тем, кто верует; это жизнь – достойная, праведная, счастливая и здоровая, а также трудолюбие. Антиценностями в приведенных рассказах являются леность, эгоизм, жадность.

Хотя нередко в нарративах содержатся лишь внешние элементы веры: имена, персонажи, цитаты, в то время как идеи, смыслы, ценности понимаются по-своему, обращение к христианским сюжетам служит для конкретизации и персонификации той безличной силы, результат действия которой люди наблюдали веками, но ни объяснить, ни осознать не могли. Христианский триединный Бог оказался тем источником всего, ответственным за все на земле, от которого все исходит и к которому все уходит. Но и Бог как творец этого мира понимается как его часть, а значит, и для него, по народным представлениям, характерна амбивалентность, свойственная миру.

Благодаря признанию христианской религии более высокой, сакрализованной, статусной по сравнению с традиционной «народной» верой, религиозные сюжеты и мотивы используются для подтверждения правильности либо для освящения глубоко осознаваемого, векового народного миропонимания, включая народные представления о ценностях – добре и зле, здоровье и болезни, бедности и богатстве, жадности и гостеприимстве, трудолюбии и лености, гордыне и кротости.

Интерес к «народной Библии» в славянской фольклорной традиции остается актуальным, несмотря на обширную литературу, уже опубликованную по этой теме. В статье публикуются материал из новых полевых записей 2014 и 2018 гг., сделанных в русинских селах Восточной Словакии, который анализируется в аксиологической перспективе. Это этиологические легенды (легенда о колесе, легенда о происхождении грибов и др.), пересказы библейских и евангельских сюжетов (притча о самарянке), легенды, мотивирующие религиозные и обрядово-ритуальные действия (почему не пекут кур на Пасху, почему красят яйца, хлестают ветками и обливают водой на Пасху), бытовые нарративы о магической силе священников, поверья, сновидения, т.е. рассказы, в разной степени связанные с христианскими сюжетами, литургией, проповедью, а также не имеющие прямого отношения к библейским сюжетам, но содержательно к ним примыкающие.

Приводятся случаи интерференции народных и церковных практик, причем как в ритуалах, направленных на добро (в лечении испуга), так и совершаемых на зло (способ наведения порчи с помощью поста и молитвы).

Эти нарративы выполняют различные функции (воспитательную, толковательную, назидательную и т.п.), но все они – элементы ценностно-нормативной системы, идеологически сохраняющей и стабилизирующей общество. Христианская религия, благодаря ее более высокому статусу по сравнению с традиционной «народной» верой, используется для подтверждения и освящения народного миропонимания, морали и ценностей.